С1152660
87.

Свящ. Н. Побѣдинскій.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

Н. В. ГОГОЛЯ

(ПО ЕГО «ПЕРЕПИСКѢ» И АВТОРСКОЙ ИСПОВѢДИ).

Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Синодальнаго училища въ Москвѣ, марта 6 дня.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1900.

93.2

Г
76077

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

83.3(2Рос=Рус)5
П41

Свящ. Н. Побѣдинскій.

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

Н. В. ГОГОЛЯ

(ПО ЕГО «ПЕРЕПИСКѢ» И АВТОРСКОЙ ИСПОВѢДИ).

Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Синодальнаго училища въ Москвѣ, марта 6 дня.

01152660

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1900.

Ф8-2

Отдѣльный оттискъ изъ № 3 журнала *Вѣра и Церковь* за 1900 г.

Печатать дозволяется, Москва 10 марта 1900 г.
Цензоръ протоіерей *Николай Благоразумовъ*.

БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИГООБМЕННЫЙ
ФОНД

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ Н. В. ГОГОЛЯ (ПО ЕГО „ПЕРЕПИСКѢ“ И АВТОРСКОЙ ИСПОВѢДИ) [1].

I.

(Постепенное развитіе религіознаго чувства въ Гоголѣ. — Отношеніе критики къ его „Перепискѣ“. — Цѣль „писемъ“ Гоголя).

„Разгадать духовную жизнь Гоголя весьма трудно, потому что онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не любятъ высказываться и не только берегутъ про себя свои лучшія стремленія и замыслы, но даже подчасъ мистификаторски отводятъ глаза отъ своихъ истинныхъ цѣлей и взглядовъ“ [2].

„Эта особенность Гоголя такъ велика, что даже интимныя письма не всегда опредѣляютъ его настоящія мысли“.

Такъ отзываются изслѣдователи произведеній Гоголя о трудности опредѣлить его дѣйствительную нравственную физіономію.

Для современныхъ ему критиковъ, въ родѣ Бѣлинскаго, и большинства читающей публики онъ былъ только главою новой, такъ называемой „натуральной школы русскихъ писателей“, талантливымъ художникомъ, мастерски обличавшимъ и „горькимъ смѣхомъ сквозь слезы“ посмѣявшимся надъ недостатками современнаго ему русскаго общества. Для противниковъ же въ родѣ Булгарина онъ представлялся только забавнымъ, по временамъ неприличнымъ, и вреднымъ шутникомъ, не выше Поль-де-Кока.

Только немногіе, самые близкіе къ писателю, люди знали, какія сокровенныя и прекрасныя мысли и чувства таились въ его душѣ, какой глубоко вѣрующій и убѣжденный христіанинъ созрѣвалъ въ его „сокровенномъ сердца человѣкѣ“.

---

[1] Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Синодальнаго училища въ Москвѣ, марта 6 дня.

[2] „Особенности творчества Гоголя“. Журн. „Образов.“ 1899 г. Февраль. Ст. Алферова.

„Его религіозное чувство получило жизненность и силу еще въ раннемъ дѣтствѣ и не покидало его затѣмъ всю жизнь. Описавши въ письмѣ къ матери (20 окт. 1833 г.) баловство, которымъ его окружали, онъ пишетъ про свое дѣтство: „Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ... Я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали или носили меня... Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ, я живо какъ теперь помню этотъ случай: я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это меня потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“.

Можно дѣйствительно повѣрить, говоритъ г. Алферовъ[1]), что этотъ разсказъ о страшномъ судѣ, трогательный и страшный, и заложилъ съ этихъ лѣтъ въ Гоголѣ то пламенное отношеніе къ религіи, которое можно постоянно замѣтить въ его перепискѣ съ матерью и изъ Нѣжина, и изъ С.-Петербурга, и изъ-за границы, и изъ Москвы, отовсюду и во всякомъ возрастѣ. Въ одномъ изъ писемъ, напримѣръ 1829 года, въ 20-лѣтнемъ возрастѣ, онъ говоритъ матери, что „онъ чувствуетъ налегшую на него десницу Всевышняго“, а въ заключеніе письма прибавляетъ: „въ умиленіи я“ призналъ невидимую десницу, пекущуюся обо мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ!“[2]).

Итакъ, способность отрываться отъ дѣйствительности, отдаваться своимъ думамъ съ жаромъ и страстью — это коренная черта нашего знаменитаго реалиста... „Послѣ долгихъ лѣтъ трудовъ и опытовъ и размышленій, идя видимо впередъ, — пишетъ Гоголь, — я пришелъ къ тому, о чемъ помышлялъ уже во время моего дѣтства“[3]).

Въ своей „Авторской исповѣди“, въ которой онъ наиболѣе откровенно высказываетъ свои завѣтные идеалы, и вѣрность свѣдѣній которой подтверждается многими лицами, знавшими близко Гоголя, и его собственными замѣчаніями, есть одно цѣнное указаніе, которое свидѣтельствуетъ о единствѣ направленія его духовной

---

1) Ibid., февр. кн. 1899 г.

2) Приведено ibid.

3) Приведено ibid. стр. 122.

жизни. „Отъ ранней юности, — пишетъ онъ, — у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что не былъ глупъ: вотъ и все!“ [1]).

Этимъ замѣчаніемъ Гоголь совершенно уничтожаетъ предположеніе о какомъ-нибудь поворотѣ въ его личномъ развитіи, которое нерѣдко видѣли и видятъ въ его „Перепискѣ съ друзьями“.

Шумъ и суматоха, вызванные этимъ ясно обозначившимся религіозно-нравственнымъ направленіемъ Гоголя, были дѣйствительно велики.

Quasi-либеральные передовые критики того времени съ величайшею нетерпимостью отнеслись къ тому, что Гоголь, ихъ великій Гоголь, „глава натуральной школы“, осмѣливается вѣровать въ „какого-то Бога“ и писать о религіозно-нравственныхъ вопросахъ. „Горе человѣку“, — писалъ Бѣлинскій [2]), „котораго сама природа создала художникомъ, — горе ему, если недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь. На этомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе...

Большая бѣда,

„Коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ“.

„Можно было бы надѣяться“, писалъ Вяземскій [3]), „что важность и духовное направленіе книги нѣсколько образумятъ критику нашу. Надежда не сбылась. Все написанное о ней болѣе или менѣе неприлично... Можно не сочувствовать убѣжденіямъ, но надо ихъ уважать“.

И дѣйствительно, Гоголь и его критики говорили на совершенно различныхъ языкахъ.

Для отрицательнаго направленія мысли непонятенъ языкъ религіознаго одушевленія, которымъ былъ проникнутъ Гоголь.

Въ „письмахъ“ Гоголя иные склонны были видѣть „неслыханную гордость, самообольщеніе“ и ханжество. Но онъ только тѣмъ виноватъ предъ всѣми либеральными критиками, что не мыслилъ такъ, какъ они“.

„Мы толкуемъ, — прибавляетъ Вяземскій, — о независимости, о свободѣ понятій, а у насъ нѣтъ даже и простой терпимости“ [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) „Современникъ“, 1846 г., № 2. Въ „Сборникѣ“ Зелинскаго, ч. III, стр. 83.

[3]) „С.-Петербургскія Вѣдом.“, 1847 г., №№ 90—91, въ „Сборникѣ“ Зелинскаго.

[4]) Ibid.

Гоголь въ своихъ письмахъ озираетъ мысленно пройденный путь свой, всю прежнюю свою писательскую дѣятельность, и во многомъ остается ею не удовлетворенъ.

Свое выступленіе на писательское поприще онъ объясняетъ случайностью.

Никогда онъ не думалъ быть сатирикомъ. Хандра и болѣзнь были причиною этого. Чтобы развлечь себя, Гоголь сталъ создавать различные смѣшные характеры и положенія. Но замѣтивъ силу своего смѣха, онъ рѣшилъ, что ее не слѣдуетъ тратить попусту. Тогда Гоголь задумываетъ собрать все дурное, какое только онъ зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться — вотъ происхожденіе „Ревизора“. Въ немъ онъ желалъ осмѣять только „самоуправное отступленіе нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка“. Но въ комедіи стали видѣть желаніе осмѣять весь узаконенный порядокъ вещей.

Огорченный этимъ, Гоголь задается цѣлью представить въ одномъ большомъ сочиненіи все, что ни есть и хорошаго и дурного въ русскомъ человѣкѣ... Но на всякомъ шагу онъ чувствовалъ, что ему многаго недостаетъ. И вотъ онъ съ большими усиліями выпускаетъ въ свѣтъ I часть „Мертвыхъ душъ“, сознавая какъ онъ далекъ еще отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на него „безблагодатное“ состояніе. „Изгрызлось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило“ [1]). Тогда вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія оторвали его разомъ отъ всего, и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему еще прежде, чѣмъ сдѣлался писателемъ, уже имѣлъ онъ охоту, — къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой“.

„О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познаніе“, восклицаетъ Гоголь, когда начнешь дѣло съ собственной своей души!“

„На этомъ-то пути поневолѣ ближе встрѣтишься съ Тѣмъ, Который Одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой“ [2]).

И вотъ этотъ переворотъ, случившійся съ нимъ, вновь пробудилъ въ немъ талантъ и вдохнулъ энергію писать; съ этихъ поръ его вниманіе обратилось на внутреннюю сторону души человѣка, на ея идеальныя стремленія.

---

[1]) Соч. Гоголя. Изд. Тихонравова, т. V, стр. 310.

[2]) Соч. Гоголя. Ред. Н. Тихонравова, т. V, стр. 311.

Изданіемъ своей „Переписки“ онъ хотѣлъ въ виду угрожавшей ему смерти и отчета предъ грознымъ Судіей искупить безполезность всего, доселѣ имъ напечатаннаго [1]).

„Онъ обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣчество. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка — отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета — его занимало; и по этой дорогѣ нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“.

Повѣркой разума повѣрилъ онъ то, что другіе понимаютъ ясною вѣрой, и чему онъ вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно [2]).

Задумавъ изобразить идеалъ совершеннаго человѣка, онъ рѣшилъ, что для того необходимо самому имѣть хотя крупицу этихъ совершенствъ. И вотъ Гоголь дѣятельно принимается за свое умственное и нравственное усовершенствованіе.

Результатомъ своихъ трудовъ онъ, какъ писатель, счелъ нужнымъ подѣлиться съ публикой. „Я не считалъ вреднымъ ни для кого открыть публично, — писалъ онъ [3]), — что я стараюсь быть лучше, чѣмъ я есмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства, если сходилъ за тѣмъ самъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“.

Идеалъ прекраснаго человѣка манилъ его и заставлялъ негодовать на себя, за недостатокъ прекрасныхъ качествъ.

„Предметъ у меня, — говоритъ онъ, — былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ жизнь, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть Источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми — и я пришелъ къ Тому, Который Одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого Одного я могъ только полнѣе узнать душу“ [4]).

---

[1]) Предисловіе къ „Перепискѣ“.
[2]) „Авт. исп.“, т. V, стр. 278.
[3]) Ibid., стр. 279.
[4]) Томъ V, стр. 281.

Начертавъ въ своемъ умѣ типъ идеальныхъ людей, Гоголь рѣшилъ собрать этюды и наброски съ натуры для своего большого сочиненія (2 ч. „Мертвыхъ душъ“), въ которомъ желалъ изобразить идеальное состояніе общества.

Такъ самъ Гоголь объясняетъ намъ цѣль составленія своей переписки съ друзьями.

Другая причина изданія въ свѣтъ его „Переписки“, какъ онъ пишетъ къ Россети[1]), была и та, чтобы поучиться, а не поучить. „А такъ какъ русскаго человѣка по тѣхъ поръ не заставишь говорить, пока не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія, то онъ поставилъ почти нарочно много тѣхъ мѣстъ, которыя заносчивостью способны задрать за живое!“

Недостатки своей проповѣди Гоголь самъ хорошо сознавалъ. Онъ сознавалъ, что съ искреннимъ сознаніемъ своихъ недостатковъ у него рядомъ встрѣчается высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ; смиренье — и рядомъ съ нимъ гордость; упреки другимъ въ томъ самомъ, на чемъ поскользнулся самъ.

Онъ сознается, что „горитъ отъ стыда“, вспоминая, какъ заносчиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти à la Хлестаковъ[2]).

Но признавая всѣ эти недостатки, Гоголь утверждаетъ, что его книга „есть вѣрное зеркало человѣка“. Въ ней находится то же, что во всякомъ человѣкѣ: прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу... Словомъ, то же, что въ каждомъ человѣкѣ, съ той только разницей, что здѣсь слетѣли всѣ условія и приличія и все, что таитъ человѣкъ, выступило наружу; ударилось ярче всѣмъ въ глаза какъ въ человѣкѣ, получившемъ намного больше способностей, сравнительно съ другимъ человѣкомъ[3]).

Итакъ, цѣль „Переписки“ Гоголя — цѣль прекрасная. Чтеніе этой книги не можетъ остаться для читателя безплоднымъ. „Она, — пишетъ Вяземскій, — должна пробудить интересъ къ вопросамъ, въ которыхъ таится загадка нашей жизни и возможное объясненіе оной“.

Н. В. Гоголь скончался 21 февраля 1852 года; слѣдовательно чрезъ два года исполнится пятидесятилѣтіе со дня кончины его, и тогда творенія его должны будутъ сдѣлаться такимъ же общественнымъ достояніемъ какъ сочиненія Пушкина. Въ Москвѣ готовятся къ постановкѣ памятника Гоголю, какъ есть такой же Пушкину. Въ виду этого уяснить духовный религіозно-нравственный образъ

[1]) Томъ V, стр. 245.
[2]) Томъ V, стр. 246.
[3]) Ibid., стр. 266.

великаго писателя, указать симптомы внутренней духовной жизни его и отмѣтить строго-нравственные и потому поучительные отзвуки ея въ его „Перепискѣ съ друзьями“ и чрезъ это разсѣять пущенную въ ходъ врагами его изъ лагеря либераловъ легкомысленную болтовню объ его чуть ли не сумасшествіи — можетъ быть, какъ нельзя болѣе благовременно. Значеніе вѣры, характеристика церковной жизни и положеніе пастырей — вотъ вопросы, затронутые Гоголемъ въ его „Перепискѣ“, которые, можетъ быть, особенно поучительно выставить на видъ современнаго общества.

II.

(Мысли Гоголя о современномъ прогрессѣ и нравственномъ состояніи интеллигентнаго общества. Истинная цѣль жизни. Превосходство христіанства предъ философіей и наукой. Высокое назначеніе православной Церкви и духовенства. Характерныя особенности русскаго народа и его литературы. Призваніе писателя и цѣль искусства. Призывъ различныхъ классовъ общества къ нравственной дѣятельности. Заключеніе).

Какъ мы уже замѣтили выше, болѣзни и страданія пробудили тихо тлѣвшую съ дѣтства въ душѣ писателя искру религіознаго чувства, и она вспыхнула въ немъ яркимъ пламенемъ, озарила все его существо, положила неизгладимый отпечатокъ на всѣ его мысли и сужденія. И вотъ, послѣ этого Гоголь всецѣло проникается сознаніемъ высокой цѣли человѣческой жизни, высокихъ идеаловъ искусства и назначенія писателя.

Осмѣявши своимъ „горькимъ смѣхомъ“ отрицательныя стороны современной жизни, ея уродливости и зло, которое скрывается подъ покровомъ внѣшнихъ приличныхъ формъ общежитія, нашъ писатель не обольщается блескомъ прогресса и матеріальныхъ усовершенствованій жизни.

„Зачѣмъ эта скорость сообщеній?“ спрашиваетъ онъ. „Что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что пріобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія?“ Главное дѣло всякаго человѣка, и особенно стоящаго на вершинѣ общественной лѣстницы, — это дѣло нравственнаго развитія. „Угладить многія внутреннія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленіи къ полному развитію силъ его, — вотъ дѣло нужнѣйшее“, говоритъ онъ. „О семъ надо помыслить прежде всего“ [1]).

---

[1]) Т. V. Изд. Тихонр. Стр. 166. Пис. XXVIII.

При взглядѣ на современное состояніе общества, нашего писателя болѣе всего поражаетъ упадокъ духовной, нравственной силы, христіанской любви, — упадокъ, прикрытый утонченными формами общежитія.

Умиляясь духомъ на чужбинѣ представленіемъ о томъ, какъ торжественно, какъ радостно и любовно празднуется на Руси день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Гоголь съ грустію замѣчаетъ, что и у насъ, подъ внѣшней формой христіанской любви и всепрощенія, остается тотъ же холодный эгоизмъ и гордость, которые разъѣдаютъ человѣческую жизнь на Западѣ.

„Нѣтъ, не въ видимыхъ знакахъ дѣло“, восклицаетъ онъ, „но въ томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ взглянуть въ этотъ день на человѣка, какъ на лучшую свою драгоцѣнность, такъ обнять и прижать его къ себѣ, какъ наироднѣйшаго своего брата“.

Въ нашъ вѣкъ, „когда мысли о счастьи человѣчества сдѣлались почти любимыми мыслями всѣхъ; когда многіе только и грезятъ о томъ, какъ преобразовать все человѣчество, какъ возвысить внутреннее достоинство человѣка“, — по мнѣнію Гоголя и слѣдовало бы намъ особенно радостно воспраздновать этотъ день Свѣтлаго Воскресенія.

Но на этомъ-то днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, и открывается, какъ „блѣдны“ всѣ христіанскія стремленія нашего вѣка и какъ всѣ они въ однѣхъ только мечтахъ и мысляхъ, а не на дѣлѣ.

Современный человѣкъ готовъ „обнять все человѣчество, какъ брата, а брата не обниметъ[1]). И достанется его объятіе только тѣмъ, которыхъ онъ никогда не зналъ“.

Главный порокъ настоящаго времени, есть духовная гордость, страшная духовная гордость не физическою силою и превосходствомъ своимъ, или знатностью и богатствомъ, какъ это бывало въ прежнее время, но гордость своею нравственною чистотою, которая заставляетъ человѣка съ презрѣніемъ смотрѣть на падшаго брата своего, гнушаться его духовнымъ безобразіемъ и немилосердно отталкивать его отъ себя.

„Увы“, восклицаетъ Гоголь, „позабылъ бѣдный человѣкъ девятнадцатаго вѣка, что въ тотъ день нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей, но всѣ люди — братья одной и той же семьи. Позабыто, что онъ самъ можетъ на каждомъ шагу сдѣлать то же подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ... Позабыто имъ то,

---

[1]) Ibid. стр. 236—237.

что, можетъ-быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно оттолкнули ихъ лучшіе и прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили пуще ожесточиться. Все позабыто человѣкомъ XIX вѣка, и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему бы только не видать гноя ранъ его“[1]).

Другой видъ гордости, еще сильнѣйшій перваго, — это гордость умомъ своимъ. Современный человѣкъ все можетъ простить, но не проститъ онъ малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ своемъ. „Умъ его для него — святыня. Ничему и ни во что онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. И тѣнь христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума“[2]).

Пагубное вліяніе этой гордыни ума Гоголь наблюдаетъ въ томъ страшномъ озлобленіи, которое порождаетъ различіе мнѣній между различными партіями въ современномъ обществѣ, та вражда изъ-за газетныхъ мнѣній или принциповъ, которая пылаетъ нерѣдко между людьми, никогда другъ друга въ глаза не видавшими.

„Уже одна чистая злоба“, говоритъ онъ, „воцарилась на мѣсто ума... Діаволъ выступилъ „уже безъ маски въ міръ“... Могущество духа зла Гоголь видитъ въ томъ вліяніи, какое оказываютъ на общество законы моды и свѣтскихъ приличій, — „законы, которые нарушить боятся больше, чѣмъ законы нравственные и государственные, чѣмъ первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, предъ которыми дрожатъ, какъ робкіе мальчишки... Что за странная насмѣшка надъ человѣчествомъ!“[3])

„Но и одного дня не хочетъ провести (по-христіански) человѣкъ XIX вѣка. И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“[4]). Среди такого печальнаго состоянія общества и энергія людей упала: „все теперь у насъ расплылось и расшнуровалось,

---

[1]) Ibid. стр. 237 и сл.
[2]) Ibid. стр. 239.
[3]) Ibid. стр. 241.
[4]) Стр. 243.

дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ, и нѣтъ нигдѣ теперь свободы въ ея истинномъ смыслѣ“[1]).

Въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ нашъ знаменитый писатель характеризуетъ нравственное состояніе современнаго ему общества XIX вѣка. Вышла картина мрачная и потрясающая, и, конечно, очень не по вкусу либеральнымъ критикамъ, чаявшимъ (съ Запада) наступленія чуть ли не золотого вѣка, послѣ освобожденія отъ „всякихъ предразсудковъ“... Indc ira...

Но кто, положа руку на сердце, скажетъ, что эта картина невѣрно изображаетъ современную жизнь; что краски черезчуръ густы?... Быстрое распространеніе философіи пессимизма, чрезвычайная популярность мрачныхъ и эгоистичныхъ идей Нитцше и, наконецъ, къ самому концу вѣка, успѣхъ декадентства, — все это прекрасно иллюстрируетъ мрачную картину, подтверждаетъ, что дѣйствительно значительная часть интеллигентнаго общества дошла до печальнаго состоянія, вѣрно подмѣченнаго художественнымъ талантомъ Гоголя еще тогда, когда показывались только первые признаки этого состоянія.

До такого печальнаго состоянія современное культурное общество дошло потому, какъ уже было указано, что оно черезчуръ большое значеніе придаетъ своему уму. „Но умъ“, справедливо разсуждаетъ Гоголь, „не есть высшая въ насъ способность. Онъ самъ находится въ большой зависимости отъ нашихъ различныхъ душевныхъ состояній: „какъ только забушуетъ страсть, онъ уже поступаетъ слѣпо и глупо...[2]) Есть важная еще способность; имя ей—мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ... Она есть... дѣло высшей благодати небесной. Получить эту мудрость можно не иначе, какъ молясь о ней день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью... Если же она вступитъ въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь. Все становится для христіанина учителемъ; весь міръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей и тотъ можетъ быть для него учитель. Стремленіе къ этой святой мудрости вливаетъ въ истиннаго христіанина силы постоянно итти впередъ. Передъ нимъ всегда открывается лучезарная даль, вѣчно свѣтитъ, какъ солнце, лучезарный идеалъ безконечной святости“.

---

[1]) Стр. 152.
[2]) Стр. 61.

Вотъ почему онъ, „какъ юноша“, говоритъ Гоголь, „алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы. Оттого и всѣ его силы не только не могутъ въ немъ заснуть или ослабѣть, но еще возбуждаются непрестанно“[1]).

Оттого истинный христіанинъ всегда „идетъ впередъ“, всегда чувствуетъ энергію и стремится къ идеалу. Оттого его энергія никогда не угасаетъ, запасъ его жизненной силы никогда не изсякаетъ.

Разумъ и наука никогда не могутъ дать человѣку такого запаса силъ безконечной энергіи.

„По обыкновенному, естественному ходу“, говоритъ Гоголь, „человѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ 30 лѣтъ... Самые способные и самые даровитые изъ людей, перевалясь за сорокалѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ. Перебери всѣхъ философовъ и первѣйшихъ всесвѣтныхъ геніевъ: лучшая пора ихъ была только во время ихъ полнаго мужества; потомъ они уже понемногу выживали изъ своего ума, а въ старости впадали даже въ младенчество. Вспомни о Кантѣ, который въ послѣдніе годы обезпамятѣлъ вовсе и умеръ какъ ребенокъ.

„Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпли въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости и смерти... Отчего же это?—Оттого, что у нихъ пребывала всегда та стремящая сила, которая бываетъ у всякаго человѣка только въ лѣта его юности, когда онъ видитъ предъ собою подвиги, за которые наградою — всеобщее рукоплесканіе, когда ему мерещится радужная даль, имѣющая такую заманку для юноши. Угаснула предъ нимъ даль и подвиги,—угаснула и сила стремящая. Но предъ христіаниномъ сіяетъ вѣчно даль, и видятся вѣчные подвиги“[2]).

Съ великими идеалами Христа въ сердцѣ своемъ, человѣкъ вездѣ найдетъ себѣ подвигъ, вездѣ трудъ его будетъ святъ и плодотворенъ. „Жизнь для него уже не загадка, ибо Христосъ объяснилъ, что такое жизнь“[3]).

---

[1]) Стр. 61.
[2]) Стр. 60. Письмо XII. „Христіанинъ идетъ впередъ“.
[3]) Стр. 299.

Этотъ свѣтъ христіанской мудрости, которая одна только можетъ освѣтить мракъ и внести порядокъ въ хаосъ и нестроеніе современной жизни, путаницу современныхъ понятій, сохраняется невредимо въ православной восточной Церкви. Какъ евангельская Марія, эта Церковь смиренно сѣла при стопахъ Спасителя и внимала словамъ Его, отложивъ всѣ попеченія о земномъ; въ то время какъ западная, подобно хлопотливой Маѳѣ, „хлопотала“ около людей, примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духа и привычекъ.

„За то“, говоритъ Гоголь, „въ нашей Церкви сохранилось все, что нужно для просыпающагося нынѣ общества. Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ... всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога. По мнѣ, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ на то благословенія“.

И особенно въ настоящее время, когда запросы человѣчества разрослись и духовныя потребности стали гораздо разнообразнѣе, чѣмъ прежде, западная Церковь „только отталкиваетъ отъ Христа и вноситъ раздоръ, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ со всѣхъ его сторонъ. Полный и всесторонній взглядъ остался на восточной ея половинѣ, видимо, сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка.

Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ устремить въ человѣкѣ все въ одинъ согласный гимнъ верховному Существу. Самое слово „просвѣщеніе, которое такъ часто повторяютъ теперь, съ его глубокимъ смысломъ, — возвысить, просвѣтить всю природу человѣка, не только умственную, но и нравственную, — и это слово заимствовано у Церкви, и это слово она часто повторяетъ въ своихъ возгласахъ: напр. „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

Вотъ почему православной Церкви Гоголь приписываетъ самое важное значеніе въ настоящемъ и еще болѣе важное — въ будущемъ. Онъ провидитъ ея побѣдное шествіе въ ореолѣ святости и и правоты, въ блескѣ величія.

„Уже готовится она“, говоритъ онъ[1]), „вдругъ вступить въ пол-

[1]) Ibid. стр. 85.

ныя права свои и засіять свѣтомъ на всю землю... Уже какимъ-то невѣдомымъ путемъ наши свѣтскіе люди начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе, — которое среди насъ и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище, и на всемъ освѣтится блескъ его".

Вліяніе Церкви, по мысли Гоголя, должно проникать собою во всѣ житейскія отношенія, смягчать ихъ духомъ любви и уравновѣшивать тамъ, гдѣ нынѣ вмѣшивается въ это гражданскій законъ, порождая смуты и тяжбы[1]).

„Въ Европѣ сдѣлать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореньяхъ, и ничего не успѣетъ. Въ Россіи есть возможность; въ Россіи можетъ это не чувствительно совершиться, а не какими-нибудь нововведеніями, переворотами и реформами".

Гоголь защищаетъ нашу Церковь отъ упрековъ въ безжизненности, утверждая, что „Церковь наша есть сама жизнь", но само интеллигентное общество наше подало поводъ къ такимъ нареканіямъ, удаляясь отъ своей Церкви.

„Эта Церковь", говоритъ онъ[2]), „какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась отъ временъ апостольскихъ, она одна въ силахъ разрѣшить всѣ вопросы и недоумѣнія наши".

Такъ разсуждаетъ нашъ знаменитый писатель о великомъ назначеніи Церкви православной. Проникнутый глубоко такими мыслями, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденъ и въ томъ сильномъ, благотворномъ вліяніи на русскій народъ, какое можетъ имѣть и отчасти дѣйствительно имѣетъ православное русское духовенство. Онъ болѣетъ душою о различныхъ недугахъ и нестроеніяхъ русскаго общества, и представляетъ себѣ то цѣлительное и благое дѣйствіе, какое могъ бы имѣть на свою паству просвѣщенный и дѣятельный архипастырь. Онъ желаетъ, чтобы предъ этимъ архипастыремъ былъ открытъ лазаретъ всѣхъ духовныхъ болѣзней, всѣ ихъ припадки, признаки и явленія. Онъ увѣряетъ, что отъ этого — самая проповѣдь будетъ направляться болѣе и болѣе къ сердцамъ слушателей.

Точно такъ же и приходскіе священники имѣютъ важное вліяніе на нравственное состояніе русскаго народа: „дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого-либо другого", — говоритъ Гоголь.

---

[1]) Ibid. стр. 186.

[2]) Ibid. стр. 38.

Нужно только, по его мнѣнію, чтобы нашелся человѣкъ, который бы умѣлъ ободрить духовенство и помочь ему въ его нуждахъ, не пренебречь никѣмъ изъ нихъ, несмотря на простоту многихъ; нужно, чтобы пастыри вдохновились сознаніемъ своего высокаго и страшнаго долга; чтобы они имѣли предъ своими очами картину духовнаго состоянія своей паствы, — кто какимъ есть, и какимъ долженъ быть. Тогда служеніе ихъ будетъ многоплодно; тогда чрезъ нихъ можно имѣть такъ много вліянія на народъ, что даже и представить нельзя.

А сознанія своего долга, по мнѣнію Гоголя, — въ духовенствѣ больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ сословіи; — духовенство болѣе другихъ интеллигентныхъ классовъ доступно внушенію и увѣщанію.

„Духовный[1]), каковъ бы онъ ни былъ, все-таки болѣе или менѣе чувствуетъ, что ему должно быть всѣхъ смиреннѣе и всѣхъ ниже; при томъ уже въ самомъ ежедневно отправляемомъ имъ служеніи онъ слышитъ себѣ напоминаніе, словомъ — онъ ближе всѣхъ насъ къ возврату на путь свой, а возвратясь на него самъ, можетъ возвратить и всѣхъ насъ“[2]).

Главную причину малой успѣшности современной проповѣди нашъ писатель видитъ въ томъ, что она касается болѣе общихъ мѣстъ и отвлеченныхъ пороковъ. Въ такомъ общемъ и отвлеченномъ изображеніи люди не узнаютъ самихъ себя, и продолжаютъ казаться себѣ чуть не праведниками. Нѣтъ, нужно проповѣднику изобразить конкретную, живую картину того, какъ часто, сами того не замѣчая, люди становятся тяжко преступны, какъ, напр., роскошь въ обстановкѣ, жизнь не по средствамъ, дорогіе дамскіе наряды и проч. — отзываются на общемъ благосостояніи страны, разоряютъ народъ, подаютъ гибельный примѣръ другимъ, — словомъ, наносятъ такой вредъ, какого не могутъ поправить никакія благотворительныя затѣи богатаго общества.

„Грѣшитъ нынѣшній человѣкъ“, говоритъ Гоголь, „несравненно больше, нежели когда-либо прежде. Но грѣшитъ не отъ преизобилья собственнаго разврата, не отъ безчувственности и не отъ того, чтобы хотѣлъ грѣшить, но отъ того, что не видитъ грѣховъ своихъ. Сказать: „не крадьте, не роскошничайте, не берите взятокъ, молитесь и давайте милостыню неимущимъ“, — теперь ничто, и ничего не сдѣлаетъ.

[1]) Стр. 122—124.
[2]) Ibid. Стр. 123.

Кромѣ того, что всякій скажетъ: „да вѣдь уже это извѣстно“, но еще оправдается передъ самимъ собой и найдетъ себя чуть не святымъ. — Онъ скажетъ: „красть я не краду: положи предо мною часы, червонцы — не возьму ихъ; живу я роскошно, но мнѣ не для кого копить... взятку беру только съ богатаго, и т. д.

„Но, если поднять предъ нимъ завѣсу и показать ему хотя часть тѣхъ ужасовъ, которые онъ производитъ косвенно, а не прямо, тогда онъ заговоритъ другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя у себя все на барскую ногу, вредитъ соблазномъ, поселяя въ другомъ, менѣе богатомъ, такое же точно желаніе, который изъ-за того, чтобы не отстать отъ него, разоряетъ не только собственное, но и чужое имущество, грабитъ и пускаетъ по міру людей; да вслѣдъ за тѣмъ и представитъ ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дыбомъ поднимется у него волосъ и которыхъ, можетъ-быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить на барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ... Тогда увидятъ они... что не спасетъ ихъ отъ страшнаго отвѣта предъ Богомъ и деньга, выброшенная нищему, даже и тѣ человѣколюбивыя заведенія, которыя заводятъ въ городахъ на счетъ ограбленныхъ провинцій.

„Нѣтъ, человѣкъ не безчувственъ, человѣкъ подвигнется, если только ему покажешь дѣло, какъ есть. Только слегка приподыми проповѣдникъ завѣсу и укажи ему хотя одно изъ тѣхъ ежеминутныхъ преступленій, которыя онъ совершаетъ, у него уже отнимается духъ хвастать грѣшностью своей“.

Съ такою вѣрою смотритъ Гоголь на природу человѣка, и не хочетъ вѣрить въ ея неисправимость; такъ ободряетъ онъ и тѣхъ проповѣдниковъ, „которые уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь теряются на воздухъ и зло такъ глубоко пустило свои корни, что и нечего думать объ его искорененіи“ [1]).

До того же времени, пока проповѣдникъ хорошо не присмотрится къ окружающей его средѣ, не изучитъ ея нравовъ, недостатковъ и пороковъ, нашъ писатель не совѣтуетъ ему и выступать съ самостоятельнымъ словомъ. Лучшія мѣста изъ святыхъ отцовъ Церкви, особенно Златоуста, — направленныя противъ лю-

[1]) Ibid. стр. 109.

дей, принявшихъ только наружное христіанство, — мѣста, заранѣе хорошо прочувствованныя и прочитанныя, могутъ, по его мнѣнію, подѣйствовать на народъ.

Мѣткое, умѣстно сказанное и сильное наставленіе, исповѣдь, проникающая до глубины души, — вотъ могучія средства, которыми священникъ, и помимо проповѣди, можетъ дѣйствовать на душу своихъ прихожанъ. И Гоголь приводитъ примѣръ такого воздѣйствія[1]). Но главныя условія плодотворной дѣятельности духовенства — это сочувствіе къ нему со стороны высшихъ классовъ общества, помощь, содѣйствіе совѣтомъ и вниманіемъ, а гдѣ надо — и матеріальная поддержка. (Пис. VIII и IX.) „Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника (какъ сама жизнь). Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты помѣщики. Они, на мѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ, какъ родного, поселить въ немъ желаніе бесѣды лучшей, которая бы могла его чему-нибудь поучить, бросятъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще и не знаетъ, что такое мужикъ; поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ... и послѣ этого вопіютъ, что у нихъ священники дурные... А ты сдѣлай вотъ какъ: заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги, бери съ собою священника повсюду... Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства[2]).

Такимъ образомъ, въ пробужденіи и развитіи православно-христіанскаго чувства, подъ руководствомъ св. православной Церкви, Гоголь и находитъ спасеніе отъ всѣхъ нестроеній и золъ современной жизни. Онъ убѣжденъ, что христіанское чувство живо въ русскомъ народѣ, что всегда тлѣла и не погасала въ немъ эта искра Божія, что она, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ вспыхнуть въ немъ яркимъ пламенемъ, обновить и очистить его.

„Не умретъ“, говоритъ онъ, „изъ нашей страны ни зерно того, что есть въ ней истинно русскаго и что освящено самимъ Христомъ“.

„Есть въ нашей природѣ то, что намъ пророчитъ это. Уже самое неустройство наше намъ это пророчитъ. Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя неприличное и внести

---

[1]) Стр. 135. Письмо XXII.

[2]) Стр. 134. Письмо XXII.

въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней". Доказательство тому, что въ природѣ русскаго человѣка есть многое, сходное закону Христа, Гоголь видитъ въ томъ, „что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово", и въ той склонности ко взаимной дружбѣ, къ „побратимству", которое было такъ распространено у славянъ, и въ отсутствіи сословной розни и вражды, и въ той способности къ нравственному возрожденію и подъему силъ, къ самоотверженнымъ подвигамъ, какую проявляетъ русскій человѣкъ въ критическіе моменты своей исторіи.

Русскій человѣкъ отзывчивъ къ проповѣди примиренія и всепрощенія. Вотъ почему у насъ всегда имѣлъ силу третейскій судъ, вотъ почему у насъ скорѣй, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть прекращены самыя застарѣлыя ссоры и тяжбы, если только станетъ среди тяжущихся человѣкъ истинно благородный.

„Въ природѣ человѣка, а особенно русскаго", говоритъ Гоголь, „есть чудное свойство; какъ только замѣтитъ онъ, что другой сколько-нибудь къ нему наклоняется или показываетъ снисхожденіе, онъ самъ уже готовъ чуть не просить прощенія"[1]). „Есть въ русскомъ человѣкѣ сокровенныя струны, которыхъ онъ самъ не знаетъ, по которымъ можно такъ ударить, что онъ весь встрепенется"[2]).

И вотъ тѣхъ, кому дорого нравственное благосостояніе русскаго народа, Гоголь и призываетъ ударять по этимъ струнамъ, несмотря на отталкивающую наружность нѣкоторыхъ, непріятныя замашки, грубость, черствость... и предсказываетъ великій успѣхъ[3]).

„Въ народѣ нашемъ, въ одномъ изъ всѣхъ народовъ, укоренилась и живетъ чисто христіанская мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ Богъ. Потому и правосудіе у насъ могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ распространены рыцарски-европейскія понятія о правѣ. Русскій человѣкъ совершенно здраво разсуждаетъ, что если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, то, обыкновенно, оба бываютъ виноваты, т.-е. и обвиняемый и обвинитель"[4]).

---

[1]) Стр. 109. Письмо XX.
[2]) Стр. 125.
[3]) Стр. 125. Письмо XXI.
[4]) Стр. 154. Письмо XXV.

01152660

БЕЛГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Врожденное русскому человѣку стремленіе къ высшему идеалу, чуткій отзывъ ко всему великому и прекрасному, нашъ писатель усматриваетъ и въ той широтѣ и величавости русской натуры, которая такъ поражаетъ иностранцевъ, и въ пѣсняхъ народныхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ со звуками[1]).

Струи этого чувства пробиваются и въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума; и въ словѣ древне-русскихъ церковныхъ пастырей, — словѣ простомъ, не краснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по высокой трезвости духа. Всѣ эти коренныя свойства русскаго народа, въ новѣйшее время, обнаружились въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ, ибо, по выраженію Гоголя, „поэты исходятъ изъ своего народа; это — огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его“. Поэтому наши лирическіе поэты, владѣя тайною прозрѣвать въ зернѣ, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннымъ и возвеличеннымъ всякое свойство наше. Они заботились, чтобы не пропало ничего лучшаго изъ нашей природы. Это лучшее забирали оно отовсюду, гдѣ находили и выносили его на свѣтъ.

„Вотъ почему въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй“, говоритъ Гоголь, „именно что-то близкое къ библейскому, то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возлетъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости“...

„Наши поэты видѣли всякій высокій предметъ въ его законномъ соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма — Богомъ, одни — сознательно, другіе — безсознательно, потому что русская душа уже слышитъ это сама собою, неизвѣстно почему“.

„Особенно два предмета вызывали у нашихъ поэтовъ этотъ лиризмъ, близкій къ библейскому. Первый изъ нихъ — это Россія. При одномъ этомъ имени какъ-то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ... Временами у нихъ являются какія-то пророчества о Россіи, рождаемыя отъ невольнаго прикосновенія мысли къ верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ въ судьбѣ нашего отечества. Слышится у насъ и сокровенный ужасъ, при видѣ тѣхъ событій, которымъ Богъ по-

---

1) Стр. 186.

велѣлъ совершиться въ землѣ, назначенной быть нашимъ отечествомъ, прозрѣніе прекраснаго новаго зданія“...

Другой предметъ, возбуждающій высокій лиризмъ нашихъ поэтовъ, это — любовь къ царю, которая звучитъ въ величественныхъ одахъ Державина, благоговѣніе къ царской власти, значеніе которой такъ глубоко понималъ и такъ мѣтко выражалъ, напр., Пушкинъ[1]).

Поэты наши провидѣли высокое назначеніе монарховъ — смягчать законы, вносить всюду любовь, быть образомъ Бога на землѣ, какъ это признаетъ чутьемъ народъ нашъ.

Стремленіе русскаго народа къ высокому идеалу выразилось въ стремленіи Державина начертать образъ какого-то непреклоннаго твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи.

Отсюда это свойство „чуткости“, которое въ такой высокой степени обнаружилось въ Пушкинѣ. Отсюда этотъ истинно-русскій умъ, умѣющій найти законную середину всякой вещи, который обнаружился въ Крыловѣ. Отсюда и то глубокое пониманіе всей красоты незлобія и всепрощенія, живущаго въ нашемъ народѣ, — которое мы встрѣчаемъ у Пушкина въ описаніи торжества Петрова, когда онъ „съ подданнымъ мирится, виноватому вину забывая, веселится“[2]).

Потому-то и наши сатирическіе писатели такъ сильны и мѣтки въ своей сатирѣ. Нося въ душѣ своей, хотя и неясно, идеалъ лучшаго русскаго человѣка, они видѣли яснѣе все дурное и низкое дѣйствительно русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставлять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ[3]). Отсюда и наши лучшіе русскіе поэты, даже тѣ, которые заключали въ себѣ всѣ разнородныя вѣрованія и вопросы своего времени, такъ сбивчивые, такъ отдаляющіе насъ отъ Христа (какъ напр. Пушкинъ), въ лучшія и яснѣйшія минуты своего ясновидѣнія, исповѣдали выше всего высоту христіанскую. Вотъ почему Пушкинъ даже въ тѣ годы, когда увлекался суетою и прелестью свѣта, поражался однимъ видомъ служителя Христова, и говорилъ:

„Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла прахъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ“[4]).

---

[1]) Стр. 47. Письмо X.
[2]) Стр. 56. Гл. X.
[3]) Стр. 228. Письмо XXXI.
[4]) Стр. 74. Письмо XIV.

Итакъ, развитіе высокихъ христіанскихъ чувствъ, глубоко заложенныхъ въ душу русскаго народа, столь прекрасно выражаемыхъ въ художественныхъ твореніяхъ нашихъ поэтовъ, — вотъ задача нашей жизни, вотъ нашъ истинный идеалъ, путеводная звѣзда и цѣль, къ которой должна стремиться вся наша дѣятельность, во всѣхъ ея многообразныхъ формахъ и проявленіяхъ.

Все прекрасно и разумно, насколько стремится и достигаетъ этой цѣли; все безполезно и жалко, насколько уклоняется отъ нея.

Съ этой точки зрѣнія Гоголь разсматриваетъ и назначеніе поэзіи и искусства вообще и всю свою дѣятельность и поприще каждаго человѣка.

Въ своей „Авторской исповѣди“, какъ мы уже указывали въ началѣ этой статьи, Гоголь открываетъ намъ психологическій процессъ, совершившійся въ немъ.

Сознавъ силу своего таланта, потрясшаго людей невидимою грустью сквозь видный міру смѣхъ, онъ рѣшилъ, что надо объяснить себѣ цѣль сочиненій своихъ, ихъ пользу и необходимость. Онъ почувствовалъ и убѣдился, что, творя творенія свои, авторъ долженъ исполнять тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и творить — въ поученіе людей. „Владѣя картинной живописью въ словѣ, орлиной силою взгляда, поражающимъ сарказмомъ, онъ долженъ не только клеймить порокъ, но и представить идеалъ людей, потребныхъ въ современную эпоху, одѣвъ его портретною живописью, которая дѣлаетъ то, что представленный образъ преслѣдуетъ васъ повсюду такъ, что нельзя и оторваться. Онъ долженъ говорить съ обществомъ, вмѣсто разсужденій, живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей. Тогда, разумѣется, кто можетъ нынѣ подѣйствовать сильнѣе такого писателя, и кто можетъ быть болѣе его нуженъ нынѣшней эпохѣ?“ [1])

Итакъ искусство писателя — есть поученіе. Но истинное искусство есть не отрицаніе и насмѣшка, а примиреніе съ жизнью. Оно должно вносить въ душу отраду и порядокъ, а не смущеніе и разстройство. Искусство должно выставить на видъ всѣ доблестныя народныя наши качества, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и возгорѣлся бы желаніемъ развить и взлелѣять ихъ; должно выставить и дурныя наши свойства, чтобы слѣды ихъ каждый отыскалъ прежде въ себѣ самомъ и подумалъ бы, какъ

---

[1]) Стр. 294. Авт. Испов.

прежде всего съ самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей[1]).

Для того, чтобы стихъ поэта былъ могучъ и проникалъ до глубины души, Гоголь совѣтуетъ ему „разогнуть книгу Ветхаго Завѣта, проникнуться духомъ библейскимъ, опуститься въ глубины русской старины, отыскать въ минувшемъ событіе, подобное настоящему, выставить его ярко, и бить въ прошедшемъ настоящее; попрекнуть сильнымъ упрекомъ умныхъ, но унывшихъ людей; возвать къ прекрасному, но дремлющему человѣку; опозорить въ гнѣвномъ дифирамбѣ новѣйшаго лихоимца и его проклятую роскошь; возвеличить въ торжественномъ гимнѣ незамѣтнаго труженика и ублажить тѣхъ исполиновъ, что выходятъ изъ Русской земли“[2]).

Къ этому высшему своему назначенію должны быть направлены и всѣ отрасли искусства. Такъ, театръ, осужденный древнею Церковью, какъ прибѣжище изгнаннаго язычества и притонъ безчинныхъ его вакханалій, въ настоящее время можетъ сдѣлаться каѳедрою, съ которой можно много сказать міру добра. „И эта каѳедра вовсе не пустая вещь, если принять въ соображеніе, что въ немъ громадная, ни въ чемъ несходная между собою толпа можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ“[3]).

Такую высокую и благородную цѣль ставитъ искусству великій и благородный художникъ слова. И какъ эта цѣль отлична отъ тѣхъ, которыя ставятся ему разными теоріями „свободнаго“, — ничѣмъ не стѣсненнаго искусства, — до порнографіи включительно!..

Но эта дѣятельность художника, понимаемая въ своемъ высшемъ смыслѣ и значеніи, требуетъ отъ него самого надлежащаго воспитанія и подготовки, налагаетъ на него тяжелую отвѣтственность. Вотъ почему Гоголь сталъ такъ требователенъ къ себѣ и такъ медителенъ въ выпускѣ своихъ послѣднихъ твореній. „Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище душою, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище“ — вотъ его принципъ[4]).

Если же самъ писатель еще не воспитанъ, какъ гражданинъ земли своей и гражданинъ всемірный, если онъ самъ еще строится и со-

---

[1]) Стр. 313. Пис. Жуковск.
[2]) Стр. 80. Пис. XV.
[3]) Стр. 65. Пис. XIV.
[4]) Стр. 82. Пис. XVI.

здается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его вліяніе скорѣе можетъ быть вредно, чѣмъ полезно[1]).

Вотъ почему Гоголь благословляетъ и благодаритъ Бога за все, что такъ или иначе способствовало въ немъ самоуглубленію, развитію христіанскаго чувства смиренія, даже самыя болѣзни и скорби свои, которымъ онъ придаетъ великое значеніе. „Болѣзни и тяжкія душевныя состоянія“, говоритъ онъ, „обратили меня къ наблюденію внутреннему надъ душой человѣческой. „О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневолѣ ближе встрѣтишься съ Тѣмъ, Кто одинъ показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой[2])“. „О, какъ нужны намъ недуги“, восклицаетъ онъ! „Нынѣ, и среди самыхъ страданій приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ... Теперь все, что выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ несравненно значительнѣе прежняго“[3]).

Въ самыхъ литературныхъ произведеніяхъ своихъ, выводя различные типы, Гоголь старался въ лицѣ ихъ преслѣдовать и предавать злой насмѣшкѣ свои дурныя свойства. Для этого онъ надѣлялъ своихъ героевъ, по его словамъ, „сверхъ ихъ собственной гадости, своей собственной дрянью; и старался преслѣдовать ихъ, какъ своихъ смертельныхъ враговъ“[4]).

Пришедши къ познанію истиннаго смысла и цѣли жизни, среди самыхъ скорбей и болѣзней нашедши отраду и свое призваніе, Гоголь и всѣхъ согражданъ своихъ, сыновъ столь горячо имъ любимой Россіи, призываетъ къ дружной совмѣстной работѣ надъ своимъ исправленіемъ и совершенствомъ, надъ исправленіемъ и совершенствомъ своихъ ближнихъ, и надъ благомъ своей дорогой отчизны. И бодрящимъ, освѣжающимъ чувствомъ вѣетъ отъ его вдохновенной проповѣди, и свѣтелъ, полонъ надежды его взоръ на будущія судьбы Россіи, полонъ онъ вѣры въ возможность воскресить, поднять падшаго брата. Во всѣхъ положеніяхъ, начиная отъ положенія сильнаго вельможи и кончая скромною долею матери семейства, онъ всѣмъ указываетъ на то добро и пользу, которую они могутъ принести ближнимъ, дѣйствуя каждый въ своей сферѣ.

„Если только возлюбитъ русскій Россію, возлюбитъ и все, что

---

1) Стр. 294. Авт. Испов.
2) Стр. 311. Авт. Испов.
3) Стр. 18. Пис. III.
4) Стр. 95. Пис. XVIII.

есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ... Состраданіе къ ней есть уже начало любви".

„Если дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; послѣднее мѣсто возьмете, предпочитая крупицу дѣятельности всей вашей бездѣйственной жизни[1]).

На кораблѣ своей должности, службы долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на кормщика Небеснаго. Самая затруднительность обстоятельствъ — разбудитъ способности многихъ"[2])...

Вельможѣ онъ внушаетъ быть отцомъ всѣмъ своимъ подвластнымъ и каждому помочь свято и честно исполнить должность свою; подать братски руку всякому освободиться отъ его собственныхъ пороковъ и недостатковъ; не заискивать любви себѣ и смотрѣть не на то, любятъ ли его другіе, но любитъ ли онъ самъ — другихъ[3]).

Высшее русское сословіе — дворянство Гоголь призываетъ, какъ мы уже видѣли, къ дружному содѣйствію Церкви и духовенству въ великомъ дѣлѣ христіанскаго воспитанія народа.

Къ своимъ крестьянамъ дворяне должны относиться съ истинною заботою, какъ къ своимъ кровнымъ и роднымъ, какъ отцы къ дѣтямъ. „Симъ только однимъ могутъ они возвести это сословіе въ то состояніе, въ которомъ слѣдуетъ ему пребыть[4])".

Добрымъ примѣромъ, мѣткимъ словомъ, почтеніемъ къ лучшимъ людямъ, христіанскимъ назиданіемъ, содѣйствіемъ священнику — вотъ чѣмъ помѣщикъ можетъ благотворно дѣйствовать на крестьянъ[5]).

Въ скромномъ положеніи женщины, какъ супруги и матери, Гоголь усматриваетъ также высокое поприще. „Быть воздвижницей насъ на все прямое, благородное и честное[6]), — имѣть крѣпкую волю, чтобы въ нуждѣ поддержать мужа, быть его помощницей, ободрить и возбудить на все прекрасное"[7]).

Всѣхъ призывая на трудъ, всѣхъ призывая на борьбу со зломъ, нашъ писатель требуетъ мужества и энергіи для этой борьбы, указуя неизреченную и великую награду на небѣ. „Призваны въ міръ мы", говоритъ онъ, „вовсе не для праздниковъ и пированій,

---

1) Стр. 104. Пис. XIX.
2) Стр. 158. Пис. XXVI.
3) Стр. 182. Пис. XXVIII.
4) Стр. 178. Пис. XXVIII.
5) Стр. 153—154. Пис. XXV.
6) Стр. 125. Пис. XXI.
7) Стр. 152. Пис. XXIV.

на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду мы будемъ *тамъ*“ [1]).

Читая избранныя мѣста „Переписки“ Гоголя и его „Исповѣди невольно удивляешься смѣлости, — если не сказать болѣе, тѣхъ, которые находятъ въ этихъ произведеніяхъ“ признаки упадка духовныхъ силъ писателя, или сознательное лицемѣріе, ханжество... Впрочемъ, что̀ можетъ быть общаго, и какъ могутъ понять другъ друга люди, изъ которыхъ одинъ, говоря словами Вяземскаго, „смотритъ на жизнь со стороны духовной, преклоняется предъ Высшею, не разъяснимою, но сладостно и плодотворно тяготѣющею надъ нимъ силою, а другіе — признаютъ лишь власть разума и все подчиняютъ ей?

Но нѣтъ, здѣсь не ханжество, не лицемѣріе! „Здѣсь человѣкъ, страдалецъ, братъ нашъ. Онъ изливаетъ предъ нами сокровеннѣйшія тайны свои: съ духомъ сокрушеннымъ онъ повѣряетъ намъ все, что онъ выстрадалъ, въ надеждѣ, что исповѣдь его можетъ принести пользу его ближнему“. „Въ общемъ, въ отношеніи умозрительномъ, авторъ почти всегда правъ. Въ частностяхъ, въ примѣненіи къ дѣйствительности, онъ иногда ошибается... Нерѣдко онъ видитъ новый міръ тамъ, гдѣ просто явленіе отрадное, но отдѣльное... Но и тутъ дѣйствуетъ прекрасное начало: любовь къ ближнему и добру. Когда авторъ преслѣдуетъ порокъ, то больше порока ничего не видитъ... Когда онъ мысль свою устремляетъ на благую цѣль, то не видитъ препятствій и силой любви хочетъ творить чудеса...

„Но при всей односторонности книги Гоголя, она касается всѣхъ современныхъ ему, животрепещущихъ вопросовъ, и на каждомъ изъ нихъ авторъ зарубаетъ отмѣтку своимъ яснымъ и рѣзкимъ словомъ. Въ цѣломъ его произведеніе, разсмотрѣнное нами, есть чистая, свѣтлая храмина. Строгое и стройное убранство ея успокоиваетъ зрѣніе и душу... Оно призываетъ къ тихому размышленію, изъ нея выходишь съ духомъ умиленнымъ“ [2]).

Слова эти сказаны были 50 лѣтъ тому назадъ, а думы великаго поэта были и еще раньше; но какъ и тѣ и другія жизненно правдивы и теперь!

---

[1]) Стр. 185. Пис. XXX.

[2]) „С.-Пб. Вѣдомости“. 1847 г. №№ 90 и 91. Ст. П. Вяземскаго. По сборн. Зелинскаго о Гоголѣ, ч. III, стр. 83 и д.

30 куб

Б Г У Н Б
01152660